

НА ШЕСТОМ КИЛОМЕТРЕ

БОБРУЙСКО-МОГИЛЕВСКОГО ШОССЕ — МЕМОРИАЛЬНЫЙ ЗНАК С НАДПИСЬЮ «КОНСТАНТИН СИМОНОВ»

Обелиск. «Здесь в суровые дни 1941 года беспримерную стойкость проявили бойцы 388-го стрелкового полка 172-й стрелковой дивизии и ополченцы города Могилева, уничтожив только за один день боев 12 июля 1941 г. 39 фашистских танков».

Это и есть Шестой Километр. Так называемое Буйничское поле, где и развернулся тогда один из драматических фрагментов Великой Отечественной.

Если сойти с шоссе у обелиска, то будешь стоять на переднем крае обороны полка полковника С. Ф. Кутепова. Повернувшись лицом на запад (слева — шоссе, далее за ним — Днепр, за спиной — Могилев) — в такой позиции кутеповцы и приданные им ополченцы принимали свой первый бой с фашистами.

Они выстояли, несмотря на более чем пятикратное превосходство врага, на отсутствие танков и должного авиационного прикрытия. В течение 4 дней фашисты непрерывно атаковали позиции полка. Всего 172-я дивизия за эти дни отразила 29 танковых атак противника, вывела из строя 179 танков и самоходных орудий, более 4 тысяч гитлеровцев.

Потом уже, когда наступил коренной перелом в войне, подобные показатели стали привычными по сводкам Совинформбюро. Тогда — это ведь был июль 1941-го, первые недели войны, — они ошеломляли. Потому-то с таким упоением снимал эти подбитые на переднем крае Кутепова фашистские танки военный фотокорреспондент и фронтовой друг Симонова Трошкин и потому-то этот первый за время войны сни-

мок разбитой вражеской техники, опубликованный вместе с симоновским подвалом «Горячий день» в «Известиях», звучал, как сводка Совинформбюро. Потому-то и оказался здесь военкор «Красной звезды» Константин Симонов: здесь в первые же дни войны организованно били и не пускали дальше фашистов. И здесь сам он, военный корреспондент Симонов, и Симонов-гражданин, и Симонов-писатель нашел ключ к пониманию войны, человека на войне. А отсюда — и к пониманию миссии человека вообще, советского человека перед лицом своей Родины.

Эти окопы, которыми, словно кроты, изрыли скудную белорусскую землю кутеповские ребята и могилевские ополченцы, становятся не просто оборонительными укреплениями. Это упорядоченная корневая система, которой полк, как олицетворение самого народа, вцепляется, врастает в родную землю с намерением устоять на всех семи ветрах. И вся эта отпорная энергия, весь этот задористый накал: врещь — не возьмешь! — как в фокусе концентрируются в облике полковника.

«Недолгая встреча с Кутеповым для меня была одной из самых значительных за годы войны. В моей памяти Кутепов — человек, который, оставаясь он жив там, под Могилевом, был бы способен потом на очень многое». Так писал К. Симонов в «Разных днях войны».

Но он не остался жив там, под Могилевом. Как и весь

почти его полк — сначала на передовой, потом уже в стенах города, наконец, во время прорыва из окружения, — он остался там.

Есть у Константина Симонова стихи:

Подняв трех дочерей и сына,
Пройдя сивозь девять пятилеток,
Стал под напором медицины
Ходячим кладбищем
И чтоб не растащили внуки,
Свой уж давно целебный прах
Советской завещал науке
Развеять на семи ветрах!

Ироническая миниатюра, она стала пророческой.

Этого боевого заряда, полученного на Буйничском поле, писателю хватило не только на все дни и ночи войны, но на всю оставшуюся жизнь и творческую судьбу. Слово маршалский жезл, пронес он этот безвестный Шестой Километр и его людей и через 35 лет мирной жизни. Это не очередной боевой эпизод встретил Симонов в своей военной писательской Одиссее — некий философский камень бытия, расшифровать который для нас с вами он и стремился до конца дней. С этим он и привел к нам своего уже художественного Кутепова — Серпилина, этот выписанный на фоне войны, но универсальный образ русского, советского человека. В Серпилине реальный полковник с Шестого Километра обретает диалектику скульптурного портрета, который, будучи «пхож», близок к оригиналу, доводит его до логического завершения магией личности самого художника.

В воспоминаниях военачальников о тех событиях есть любопытный эпизод, связанный с полковником Кутеповым. Вот фрагмент из воспоминаний Ф. А. Бакунина, командира корпуса, в который входила 172-я стрелковая:

«Полковника Кутепова я всегда ценил как опытного и энергичного командира. Но в одном из подразделений 388 полка занимались устройством окопов на явно невыгодной для обороны местности. Об этом я сказал Семю Федоровичу, указывая на высоту: — Вот где хорошая позиция! Кутепов согласился со мной, но заметил, что там, на высоте, зреет пшеница и ему не хотелось допускать потери колхозного урожая». Человек, которому через несколько дней предстояло в строю его полка сложить голову, он думал о зреющей колхозной пшенице. Какой же верой в победу, в своих людей надо было обладать, какой же ответственной любовью к Родине гореть, чтобы думать о ее колоске перед лицом смертоносной армады фашистских машин!

Новые грани уже обобщенного образа высвечивает Симонов в своем Серпилине. Потрясающая сцена напутствия ополченцев. Парадоксальный приказ-просьба Серпилина, обращенный к ним. Он, наделенный правом безоговорочно бросать в прорыв все новые батальоны, требовать беспрекословной дисциплины исполнения, счел нужным обратиться к самому надежному в человеке —

к его совести, гаранту исполнения любого приказа. И вот эту универсальность художественного образа и его прототипа — такую личность человека, руководителя Константин Симонов утверждал и утвердил, и, наверное, именно это имел в виду, говоря о Кутепове, что он был бы способен потом на очень многое — на любом посту, в любой сфере он стоял бы так, как тогда под Могилевом, любя и уважая своих солдат, но и ведя их на верную смерть, которой тогда измерялись все наши достижения.

Сам Константин Михайлович умер, будучи почти на полжизни старше Кутепова. Но с высоты своего возраста, жизненного и писательского опыта он указал именно на него, на его соратников, как на непреходящих героев для любой эпохи нашего становления, весь пафос которых — в их надежности. И сам он — поэт, художник, коммунист, гражданин — за таких, с такими, из таких, как эти военачальники: встреченный им на Шестом Километре и поблбший и этот — воскрешенный им из небытия в художественном образе, никого не оставившем равнодушным. С этими ребятами, которые и здесь, на поле брани, а потом на страницах «Живых и мертвых» и на экране делали все то же свое дело — стояли за Отчизну. И с этим он вернулся из живых в их строй, строй мертвых, но не переставших держать свой рубеж.

Здесь, у неприметного бугорка, может быть, оставшегося на Шестом Километре с тех времен, был развеян в соответствии с его волей прах писателя. Вместе с семьей, родственниками завещание К. М. Симонова пришли исполнить еще двое людей, не связанных с ним родственными узами. Они составили своего рода почетный караул. И еще — эхо войны, которое непременно должно было докочиться на это еще зеленое поле в эту минуту символического воссоединения писателя со своими героями. Словно опять на огненном рубеже, волновался седой полковник, до недавнего времени военком Могилевской области Иван Александрович Тихонов. Фронтовик, сам прошедший в том числе и могилевскую оборону, он в свое время не случайно оказался спутником Константина Михайловича в его первый послевоенный и последующие приезды на место давних событий.

Вторым был Василий Афанасьевич Пятков, один из немногих уцелевших кутеповцев, командир отделения счетверенной пулеметной установки, которую и сам Кутепов берег как зеницу ока. Раненный во время прорыва, он со смертельным риском выбрался из пекла.

Теперь путник увидит при дороге, невдалеке от обелиска кутеповцам, неподвижный моренный валун с факсимиле: «Константин Симонов». С тыльной стороны прочтет табличку:

«К. М. Симонов. 1915—1979. Всю жизнь он помнил это поле боя 1941 года и завещал развеять здесь свой прах».

В. ГАНЮШКИН,
наш спец. корр.
МОГИЛЕВ.